

У «мыслящего общества» сейчас нет единого публичного пространства... 2008

*Автор: Виталий Куренной
"Русский журнал", 14.04.2008*

«Русский журнал»: Несколько лет назад под вашей редакцией вышел в своем роде уникальный сборник «Мыслящая Россия», в котором, как кажется, была выполнена попытка описания отечественного интеллектуального ландшафта. Есть информация, что история проекта на этом не завершилась...

Виталий Куренной: Проект, над которым мы сейчас работаем, называется «Интеллектуально-активная группа: мировоззрение, специфика социальных функций и идеологические дифференциации в контексте постсоветской трансформации». Он осуществляется в рамках гранта Общественной палаты РФ по направлению, которое курирует Институт общественного проектирования (социологические исследования). Осуществляется и софинансируется проект фондом «Наследие Евразии», вписываясь в одно из постоянных направлений его деятельности. Таким образом, это исследование продолжает работу, в рамках которой некоторое время назад была выпущена книга «Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений». Этот момент я хотел бы отметить особо, так как у отечественных негосударственных фондов горизонт интересов в большинстве случаев пока еще слишком узок, а дыхания хватает в лучшем случае на проекты с очевидной, а значит, и быстро устаревающей прагматикой.

Новый проект является продолжением «Мыслящей России», но реализуется на несколько иной методологической базе. Цель проекта состоит, во-первых, в описании состояния среды «публичных интеллектуалов» (был выбран нейтральный термин «интеллектуально-активная группа»), во-вторых, в попытке на эмпирическом материале предложить нетривиальные концептуализации этого состояния. В отличие от первой «Мыслящей России», которая представляла собой попытку саморефлексии отдельных публично-значимых интеллектуальных отраслей знания, работа выполняется здесь не в традиционном жанре авторского повествования, а средствами качественного социологического описания, для которого такого рода нарративы выступают, скорее, объектом исследования. Это позволит произвести столь необходимую, на мой взгляд, процедуру «остранения» от накатанных дискурсивных практик тематизации проблемы интеллигенции, произвести, так сказать, «натуралистическое наблюдение» над этим объектом. Еще одна задача проекта — сопроводить эмпирическое исследование сносным историко-теоретическим блоком материалов, в котором будут представлены как страновые исторические разделы, так и основные теории интеллигенции и интеллектуалов. В таком виде это будет сделано у нас впервые.

РЖ: На кого направлено ваше внимание сегодня? Кто является участником проекта — как исследователи, так и объекты внимания?

В.К.: Произвести первичную категоризацию интеллектуального пространства в нашей стране весьма сложно — в силу известной «рыхлости», недобродившего характера социокультурной среды. Обсуждая эту методологическую проблему, мы все же решили исходить из институциональных критериев. При всей своей слабости, обусловленной дисперсностью социальных ролей, такой подход представляется обоснованным. К числу этих институтов относятся, например, общественно-политические журналы, «толстые» литературно-публицистические журналы, интернет-ресурсы, академические структуры, институт политической публицистики и журналистики и т.д.

В проекте работают две рабочие группы — полевые социологи, имеющие большой опыт проведения качественных социологических исследований, а также целый коллектив авторов историко-теоретического блока, существенная часть которого будет написана на новом для отечественного читателя теоретическом и историческом материале. Вторая часть представляется мне важным концептуальным фоном, который способен не только увеличить разрешение аналитической оптики социокультурного анализа, но и обогатить тот язык, на котором мы обсуждаем проблемы интеллигенции.

РЖ: Каким образом соотносится ваше исследование с вашими же предыдущими работами, в первую очередь проектом «Мыслящая Россия»? Является ли нынешний проект продолжением работы по содержательному картографированию современного интеллектуального пространства? Была ли решена эта задача в «Мыслящей России»?

В.К.: Да, конечно, является продолжением. Но если в «Мыслящей России» анализ был вписан в дисциплинарно-отраслевые рамки — политика, социология и т.д., а также в те дифференциации, которые обнаруживались в пределах этих отраслей («либералы», «консерваторы», «левые» и т.д.), то здесь исследование построено на несколько иных принципах и с другими целями. Во-первых, уже упомянутый институциональный подход. Во-вторых, отказ от отраслевого принципа и от формально заданных идеологических «гнезд» публичного интеллектуального пространства. Наконец, задача состоит не только в том, чтобы описать («картографировать»), но по возможности объяснить некоторые особенности этого ландшафта. Если продолжать использовать метафору карты, то отказ от некоторых жестких принципов базовой категоризации, которые, впрочем, вполне оправданы при решении определенных задач, должен позволить нанести на эту «карту» более тонкие или же вовсе упущенные детали ландшафта и инфраструктуры. Конечно, эта задача ни в предыдущем, ни в этом исследовании не может быть решена исчерпывающим образом: посмотрите на карты Google-а или загляните в свой GPS-навигатор — даже там карты не успевают за сменой нашего ландшафта! Сейчас, однако, мы стремимся вовлечь в описание значительный региональный компонент, основная часть полевой работы проходит за пределами Москвы. Конечно, это капля в море незнания.

Интересно, что всплеск литературы по интеллектуалам в последние годы наблюдается только в США. Даже Европа, с которой мы обычно ассоциируем эту тему, очень сильно отстает с точки зрения такого рода саморефлексии. Конечно, мы можем претендовать лишь на очень ограниченный по охвату материала результат, но отрадно даже это, учитывая, что в сегодняшней России фактически не функционируют даже такие базовые институты, как самоконтроль научного сообщества.

РЖ: Есть ли промежуточные итоги, о которых вы могли бы сказать сегодня?

В.К.: Захватывающе интересно, но об обработанных результатах пока рано говорить. На самом деле мы поставлены сроками проекта в довольно жесткие условия. На то, что по всем мыслимым западным срокам и объемам надо отводить года три, у нас фактически всего полгода, поэтому здесь всему отведено свое время.

РЖ: Занимается ли этой проблематикой кто-либо наряду с вами или ваш проект является единственным сегодня в России?

В.К.: Да, конечно, есть множество проектов, уже завершенных или находящихся в работе, где фигурирует тема интеллектуальности («интеллектуальной элиты» и т.д.). Это и понятно, ведь начинается новый политический цикл, есть потребность осуществить ревизию идеологического потенциала общества, расставить в нем какие-то акценты и т.д.

Сразу, правда, должен сказать, что мы избегаем понятия «элита». Кроме того, нас интересуют не только сами мировоззренческие дифференциации, но главным образом состояние и меняющаяся структура интеллектуальной среды как таковой.

РЖ: Справедливо ли утверждение, что в осмыслении проблематики современной интеллигенции существует интеллектуальный вакуум?

В.К.: «Осмысления» в смысле разных высказываний про интеллигенцию хватает, причем, насколько я могу судить, сама тема переживает подъем популярности. Но в основном это интересно лишь как чьи-то более или менее оригинальные, более или менее эпатажные авторские высказывания. Сколько-нибудь фундированным и нетривиальным знанием эти высказывания не являются, а нас интересует именно это.

РЖ: Недавняя история с составлением двух списков интеллигенции — «рукоподаваемой» и «нерукоподаваемой» — показала, что у части современной интеллигенции идет активный поиск критериев самоидентификации. Насколько показателен и характерен этот пример для состояния современного мыслящего общества в целом?

В.К.: Такой поиск идет всегда, другой вопрос, насколько значимы такого рода идеологические инициативы. Есть ощущение, что это имеет значение лишь в качестве стимула для сплочения одной из многочисленных «идейных» групп, не более того (хрестоматийный случай из социологии конфликта). В целом же у «мыслящего общества» сейчас элементарно нет того единого публичного пространства, в котором подавание или неподавание руки могло бы быть реально продемонстрировано, то есть большого практического смысла это не имеет.

РЖ: Советская интеллигенция во многом ранжировалась по поколенческому критерию: «шестидесятники», «семидесятники», «восьмидесятники». Действуют ли сегодня поколенческие критерии (есть ли поколение 2000–х)?

В.К.: Поколенческие критерии, столь интересовавшие многих в XX веке, привязаны к определенному, по нынешним меркам, вполне неспешному ритму социальных и культурных изменений. Все это, конечно, имеет значение до тех пор, пока эти самоидентификации используются, то есть являются социальным фактом. «Ускорение времени» вкупе с нарастающей социальной фрагментацией, по-видимому, могут ослабить значимость именно такого рода идентичностей. Если бы «поколение 2000–х» существовало, то мы бы о нем, по меньшей мере, слышали. Но за это понятие, насколько я вижу, пока никто не конкурирует.

РЖ: Если нет, то какие критерии идентичности, на ваш взгляд, являются актуальными сегодня?

В.К.: На этот вопрос попробуем ответить после подведения итогов проекта.